

Придерживаясь левой рукой за перила винтовой лестницы и крепко сжимая ладонь отца правой, Кэтрин весело сбегала вниз. Её пышное нежно-сиреневое платье колыхалось при каждом шаге, заставляя Хань Цзина то и дело испуганно замирать.

— Моника! — сияя от радости, воскликнула девочка и бросилась в объятия экономки.

За последние годы благодаря собственным усилиям и ненавязчивой поддержке клана Норманов Хань Цзин быстро продвинулся по службе, дослужившись до звания полковника. Однако за этот успех пришлось платить: свободного времени у него почти не оставалось, и он не мог уделять семье должного внимания. Морис тоже занимал высокий пост. Стремясь во что бы то ни стало защитить дочь, он ввязался в сложнейшую политическую игру на самом верху, стремясь как можно скорее получить звание маршала и занять место в самом центре круга власти рядом со своим отцом.

Обоим супругам стало некогда заниматься домашними делами, поэтому им пришлось пригласить госпожу Моника — опытную экономку, которая долгие годы преданно служила семье Норман.

Кэтрин души не чаяла в Монике и долго не отпускала её, пока Хань Цзин не спустился следом. Только тогда она неохотно разжала ладони и вернулась к отцу.

— Доброе утро, господин, — Моника, элегантная пожилая дама с благородной проседью в волосах, вежливо поклонилась. — Сегодня я приготовила то, что больше всего любит юная мисс Кэтрин: поджаристый бекон, паштет из гусиной печени и тосты.

— Спасибо, Моника, — с улыбкой ответил Хань Цзин. Затем он присел перед дочерью и мягко погладил её по плечу: — Сначала нужно вымыть руки, милая. Будь умницей.

Кэтрин тут же обвила руками его шею и звонко рассмеялась:

— Тогда папочка должен обнять меня ещё раз!

— Кэтрин.

В ровном, прохладном голосе скользнули строгие нотки. Морис спускался по лестнице в безупречном генеральском мундире. Его золотые волосы, подобные струящемуся шёлку, рассыпались по плечам. Время словно не коснулось его: он оставался всё так же невероятно красив, высок и строен, а на его лице застыло привычное выражение благородной отстранённости.

— Иди мой руки, Кэтрин.

— Хорошо, — девочка послушно опустила голову и высвободилась из объятий Хань Цзина. Не

смея больше капризничать, она под присмотром Моники покорно направилась в ванную.

— Ты слишком её балуешь, — негромко упрекнул мужа Морис, едва дочь скрылась за дверью.
— Посмотри на неё, совсем избалуеться. Едва начался апрель, на улице ещё прохладно, а ты уже пошёл у неё на поводу и разрешил надеть платье.

— Весна в Эвиду приходит рано. Погляди в окно, в саду уже вовсю цветут розы, — тепло улыбнулся Хань Цзин. — К тому же Кэтрин досталась тебе с таким трудом, как мне её не баловать? Девочку нужно растить в любви и неге, это ведь не мальчишка.

— В этом доме её и так балуют все кому не лень, — Морис присел за стол. При виде торопливо возвращающейся дочери в его сапфировых глазах промелькнуло беспокойство — он невольно напрягся, боясь, как бы эта егоза не споткнулась на ровном месте. Кэтрин росла невероятно подвижной и озорной, ни минуты не могла усидеть спокойно. Единственным, кого она действительно слушалась, был Морис. Остальные — будь то Хань Цзин, дедушка Грант, дядя Марко или тётя Гвен — буквально сдували с неё пылинки, потакая любой прихоти маленькой принцессы.

Морис искренне переживал, что при таком воспитании девочка вырастет капризной и избалованной.

— Не нужно помогать, пусть сделает сама, — остановил он Монику, собиравшуюся отодвинуть тяжёлый стул для Кэтрин. Сам прошедший в детстве суровую армейскую закалку, Морис требовал от дочери безупречных манер и неуклонно пресекал любые нарушения этикета.

— Да, отец, — тихо отозвалась Кэтрин. Её взгляд, устремлённый на Мориса, был полон кроткой, почти детской покорности.

Она изо всех сил потянула спинку стула, который был едва ли не выше неё самой, аккуратно забралась на сиденье, выпрямила спинку и чинно взяла в руки приборы, стараясь не издать ни единого лишнего звука при соприкосновении серебра с тонким фарфором.

Хань Цзину стало жаль дочь. Ему казалось, что Морис обходится с ней слишком строго. Не выдержав, он поспешил вмешаться:

— Давай-ка папа положит тебе любимого гусяного паштета на тост. Добавить поджаристый бекон? И чего тебе ещё хочется — сыра или масла?

— С маслом, — Кэтрин жадным взглядом обвела ломящийся от еды стол. — И ещё я хочу три маленьких паровых баоцзы, два ломтика жареного мяса и стакан клубничного молока.

— Хотеть не вредно. Но ты уверена, что сможешь всё это съесть? — Морис отложил приборы и строго, но спокойно посмотрел на дочь. Несмотря на незаурядный ум, Кэтрин оставалась

ребёнком и, видя лакомства, часто переоценивала свои силы. Как-то раз она упорно требовала целое яблоко, хотя была сыта, а в итоге лишь раз надкусила его и бросила.

Морису было не жалко денег, но подобные проявления капризности и невозддержанности его раздражали.

Кэтрин забавно нахмурилась, крепко сжав в кулачках серебряную вилку и нож. Поколебавшись, она робко протянула:

— Пожалуй, не съем... Тогда можно мне только кусочек папиного тоста и маленькую чашечку клубничного молока?

Морис снисходительно улыбнулся:

— Ты можешь взять четверть папиного тоста, два баоцзы, половинку ломтика мяса и чашку молока.

— А остальное я помогу тебе доесть.

Забрав тост из рук Хань Цзина, Морис аккуратно отрезал нужную порцию для дочери. Кэтрин бережно приняла тарелку обеими руками. Почувствовав скрытую за строгостью отцовскую нежность, она счастливо заулыбалась.

Они завтракали в уютной, тёплой атмосфере семейного утра. Первые лучи солнца золотили нежные розовые и лиловые цветы китайской яблони в саду, заглядывая сквозь панорамное окно и озаряя их улыбающиеся лица.

Глядя на любимого Мориса и очаровательную дочурку, Хань Цзин ощущал, как его сердце переполняет абсолютное, щемящее счастье. Улыбка не сходила с его губ; он то и дело заботливо пододвигал мужу и дочери то джем, то свежий сыр.

— Мы сегодня поедem к дедушке Гранту? — спросила Кэтрин, расправившись со своими баоцзы.

— Допивай молоко. И веди себя прилично у дедушки, — мягко ответил Хань Цзин. В затяжном споре между их семьями ему пришлось пойти на уступки, и груз этого компромисса до сих пор давил на него. Хотя по закону Кэтрин носила фамилию Норман, его собственные родители, как и Грант, считали её своей единственной внучкой и требовали, чтобы она называла их дедушкой и бабушкой. К счастью, девочка росла сообразительной: она никогда не путалась в семейной иерархии, была ласковой и послушной, а наедине просто добавляла к слову «дедушка» имя каждого из них.

— Значит... мы поедem на Базу № 9, глубоко-глубоко под водой?! — Кэтрин радостно запрыгала

на стуле. — Там столько всего интересного! Кристаллы Туаой невероятно красивые, прямо как моя заколка из нефрита!

— Вот только... мне совсем не нравится та голограмма. Она ненастоящая, хоть и выглядит точь-в-точь как живой человек! Этот тип очень похож на меня, но он мне противен! — Словно действительно испытывая глубокую неприязнь к проецируемому образу серебряноволосого атланта, Кэтрин сердито нахмурилась и с силой вонзила вилку в тарелку.

— Кэтрин! Я же предупреждал тебя: никогда не упоминай об этом! Как ты могла забыть? — Морис нахмурился, его голос зазвучал леденяще-строгим. — Я уже поговорил с твоим дедушкой. Больше мы не возьмём тебя на Базу № 9. Маленьким детям там не место.

— Я... — Поймав суровый взгляд отца, девочка мгновенно осеклась. На её круглом личике отразился испуг. — Прости, папа, я случайно... Я больше никогда-никогда не буду...

На этот раз Хань Цзин не стал вмешиваться и защищать дочь. Он прекрасно понимал мотивы Мориса: тот стремился оградить ребёнка от излишнего внимания и обеспечить ей спокойное детство, свободное от тотального контроля со стороны Федерального правительства. Если власти узнают, что Кэтрин способна неосознанно активировать голографический интерфейс древних атлантов, девочку тут же превратят в подопытный объект и запрут в лаборатории под надзором сотен учёных.

Осознав свою ошибку, Кэтрин притихла и послушно доела завтрак. Тщательно вытерев рот салфеткой, она тихонько подошла к Морису. Её янтарные глаза повлажнели, в них застыла немая мольба о прощении.

— Я всё-всё съела. Папочка, ты обнимешь меня?

— Ну хорошо, держи свою награду, — Морис смягчился. Он бережно взял дочь на руки, прижал её к себе и ласково погладил по шелковистым серым волосам. Дочь одновременно обожала его и побаивалась, но в самые трудные минуты неизменно искала защиты именно у него. Когда ей снились кошмары, она испуганно прибегала в их спальню и, даже если дверь открывал Хань Цзин, упорно протискивалась мимо него, чтобы спрятаться в объятиях Мориса.

— Не хочу спускаться, — прошептала Кэтрин, крепко обнимая его за шею.

— Тогда поедешь сегодня со мной?

Морис заглянул ей в лицо и, заметив восторженный кивок, нежно поцеловал дочь в щёку. Его строгий облик смягчился, уступив место искренней, согревающей отцовской любви.

На крыльце дома их провожала Моника. На Кэтрин была изящная нежно-голубая шляпка с пышным бантом, бережно скрывавшая её необычные серые волосы от посторонних глаз.

Устроившись на пассажирском сиденье рядом с Морисом, девочка проводила взглядом уезжающую машину Хань Цзина, торопливо пристегнула ремень безопасности и указала пальчиком вперёд:

— Папа! Папочка уже поехал!

— Вижу, — с улыбкой отозвался Морис. Проверив натяжение её ремня, он плавно выжал педаль газа, пускаясь вдогонку за мужем.

Поначалу Кэтрин весело смеялась, радуясь каждому обгону, но как только автомобиль покинул пределы престижного района Эрато и приблизился к величественному правительственному кварталу, её смех угас. Девочка нахмурилась, а в её глазах появилась недетская грусть.

Она была слишком чуткой для своего возраста и прекрасно понимала, что скрывается за монументальными стенами этого строго охраняемого здания. Она знала, кто эти вежливые мужчины и женщины в белых халатах, регулярно осматривавшие её, и что именно они от неё хотят.

Когда Морис припарковал машину и взял дочь на руки, она доверчиво прижалась щекой к его груди и долго не хотела отпускать, словно пытаясь продлить эти мгновения безопасности, прежде чем встать на холодный мраморный пол холла.

Из припарковавшегося следом автомобиля вышел Хань Цзин.

— Кэтрин, будь умницей. В эти выходные мы обязательно поедem в парк аттракционов, а потом устроим праздничный обед в твоём любимом ресторане, хорошо? — Хань Цзин ласково забрал дочь у супруга, пытаясь подбодрить её.

Из-за редких янтарных глаз, пепельно-серых волос и генетического наследия её отцов, переживших слияние с артефактами древней расы, Кэтрин находилась под пристальным наблюдением властей. Даже неограниченное влияние могущественного клана Норман не могло освободить девочку от обязательного полугодового обследования в лучших закрытых научно-исследовательских институтах Альянса.

— Не волнуйся, мой отец лично проследит за процедурой. С ней ничего не случится, — Морис мягко, но настойчиво забрал дочь обратно и поставил её на пол, крепко сжав её маленькую ладонь. Раз уж им не суждено было полностью скрыться от всевидящего ока спецслужб, он твёрдо решил воспитать девочку сильной и независимой, способной гордо и бесстрашно встречать любые вызовы судьбы.

— Подготовься к совещанию, оно сегодня обещает быть сложным. А я пока отведу Кэтрин в кабинет генерала. — Морис поправил сползшую набок шляпку дочери.

Распроставшись с Хань Цзином в огромном ротондальном вестибюле, Морис повёл Кэтрин через служебный коридор к специальному лифту для высшего командного состава, чтобы избежать ненужных встреч и досужих расспросов.

В результате стремительного технологического рывка эпоха раздробленных национальных государств давно канула в Лету. К 2300 году Земля и передовые колонии на Марсе и спутниках Юпитера находились под единым управлением Федерального правительства Альянса. Несмотря на декларируемые принципы демократии, эта колоссальная административная машина за столетия своего существования обросла влиятельными олигархическими кланами, способными напрямую диктовать свои условия.

Некогда единое Военное министерство в процессе глобальных реформ разделилось на три обособленных ведомства: Департамент традиционной обороны, Департамент космической обороны и Департамент SCE, занимавшийся изучением наследия внеземных цивилизаций. Каждое из этих направлений обладало колоссальным бюджетом и огромной властью, подчиняясь напрямую Верховному главнокомандующему — Президенту Альянса.

Грант Норман занимал пост Верховного главнокомандующего Департамента космической обороны. Формально его должность была на ступень ниже министерской, однако реальная военная власть годами оставалась в его руках, не завися от итогов президентских выборов, сменявших министров каждые шесть лет. Более того, после долгих кулуарных войн Морис возглавил Военно-воздушные силы Департамента SCE, а его тётя, генерал Гвен, заняла должность начальника штаба ВВС в Департаменте традиционной обороны. Семья Норман фактически превратилась в военную династию, чьё беспрецедентное влияние вызывало глухое раздражение и зависть в кругах их политических оппонентов.

— Господин генерал, — войдя в просторный кабинет, Морис вытянулся в струну и чётким, отработанным движением отдал отцу честь.

Но Кэтрин тут же нарушила весь воинский этикет, со смехом устремившись к столу:

— Дедушка! Дедушка!

— А вот и моя маленькая принцесса! Ну-ка, иди ко мне, дай дедушке посмотреть, подросла ли ты за эти дни? — Грант Норман мгновенно отложил в сторону секретные папки и с широкой улыбкой подхватил внучку на руки, даже не дождавшись, пока адъютант закроет за ними дверь. Вся суровость старого вояки исчезала без следа, стоило ему увидеть Кэтрин. Казалось, всю любовь и нежность, недополученные Морисом в его спартанском детстве, генерал теперь щедро изливал на внучку.

— Дедушка, ты же обнимал меня всего две недели назад в субботу, разве дети растут так быстро? — рассмеялась девочка, обвивая ручками его шею и целуя в морщинистую щеку.

Грант довольно рассмеялся и, продолжая бережно держать ребёнка, посмотрел на стоявшего поодаль сына:

— Оставь эти формальности, здесь нет чужих. Можешь идти, я сам побуду с ней во время тестов.

— Приезжайте в поместье в эти выходные, нам нужно серьёзно поговорить с Хань Цзином.

Благодаря появлению Кэтрин многолетняя стена отчуждения между отцом и сыном постепенно дала трещину, и теперь их общение мало-помалу походило на нормальные родственные отношения. К союзу сына с Хань Цзином старик в конце концов привык, хотя скрытая тревога не покидала его. Огромная, непредсказуемая мощь древней Атлантиды, сокрытая в Хань Цзине, пугала генерала. Все эти годы Хань Цзин был предан Морису, но Грант тайно продолжал следить за каждым его шагом, опасаясь, что однажды этот чужак может изменить свои намерения, и тогда его сын окажется в смертельной ловушке. Сам Морис об этой слежке даже не догадывался.

— В эти выходные не получится, — Морис покачал головой. — Я обещал Кэтрин свозить её в парк развлечений. Как насчёт пятничного вечера?

— Маловато времени, к тому же Поместье Норманов далековато отсюда, — Грант пошёл на уступки. — Ладно, тогда я сам приеду к вам на ужин в пятницу. Как дела с подготовкой к заседанию SGN? Президент придаёт этой встрече огромное значение. И насчёт проекта «Элохим»... Тебе не стоит больше проявлять излишнее упрямство.

— Я понимаю твои опасения, — старый генерал ободряюще коснулся плеча сына. — Но врагов у нашего клана предостаточно, и новый президент спит и видит, как бы урезать наши аппетиты. Учти: если Атлантида или Харон лишатся энергетической подпитки и исследования прекратятся, мы потеряем наш главный козырь. Центр тяжести в политике Альянса сместится, и Норманы лишатся своего стратегического превосходства. Тебе нужно думать о безопасности Кэтрин. Поэтому я настоятельно рекомендую поддержать решение по проекту «Элохим» — только так мы сможем ликвидировать критическую нехватку модулей нулевой точки.

Морис промолчал. Он бросил взгляд на беспечно улыбающуюся дочь, и его всегда твёрдая, непреклонная решимость впервые пошатнулась.

Совместное заседание SGN представляло собой закрытую ежегодную конференцию трёх оборонных ведомств, на которой заслушивались стратегические отчёты и согласовывались планы дальнейшего развития.

Хань Цзин уже сидел в просторном конференц-зале. Вдоль помещения тянулся колоссальный дугообразный стол длиной более двадцати метров, в центре которого мягко мерцал

панорамный голографический проектор. До начала совещания оставалось несколько минут; все офицеры его ранга уже заняли свои места и вполголоса переговаривались в ожидании прибытия высшего командования.

— Что, волнуешься? — раздался тихий, приветливый голос.

Дора опустилась на соседнее кресло и протянула ему чашку ароматного кофе. В её жилах текла арабская кровь: точёные скулы, густые каштановые волосы, собранные в аккуратную причёску, и невероятно длинные ресницы, обрамлявшие выразительные, светящиеся умом тёмные глаза.

В свои тридцать четыре года эта эффектная и решительная женщина уже носила погоны генерал-майора. Она училась вместе с Морисом в военной академии и, в отличие от него, не имела за спиной могущественной поддержки семьи. Всего в своей жизни Дора добилась исключительно собственным упорным трудом.

Хань Цзин искренне ценил их дружбу. Дора не только помогала ему на первых порах, но и сама была сильным человеком — разведённой матерью-одиночкой, самостоятельно растившей маленькую дочь.

Многих подробностей их совместной службы Хань Цзин не знал, но в одном был уверен твёрдо: Дору и Мориса связывали долгие годы искренней дружбы. Когда несколько лет назад вокруг Хань Цзина поползли грязные слухи и его работа в только что созданном агентстве «Нордик» превратилась в сущий кошмар, именно Морис перевёл Дору в его подчинение. Её опыт и твёрдая поддержка помогли Хань Цзину переломить ситуацию и завоевать авторитет у подчинённых.

— Сделай глоток, сразу полегчает, — мягко посоветовала Дора, грея ладони о свою чашку. — Мой тебе совет: когда начнёшь доклад, старайся смотреть коллегам прямо в глаза. Визуальный контакт отлично маскирует внутреннюю дрожь. Поверь моему опыту.

<http://bllate.org/book/19677/2006485>